

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

К постановке вопроса об эроте как практике.

Елсаков Александр Юрьевич

Студент

Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Факультет философии,

Екатеринбург, Россия

E-mail: aleurklop@mail.ru

Эротическое начало, подспудно наличествующее в каждом процессе, происходящем в рамках культуры в каждой социальной институции, функционирующее как абстрактная система симбиотивности, система более чем с одной переменной, в виду невозможности схождения в одной двух амбивалентных функций, необходимых к описанию, становится неотъемлемым и определяющим атрибутом культуроформирующего механизма. Эротический процесс, начинающийся из отправной точки – точки фиксации претерпевания некоего воздействия, точки сцепки упомянутых функций, является постоянным фоном всех событий, происходящих с человеческими созданиями, и параллельно формирует свою собственную структуру, в рамках которой взаимодействуют абстрактизированные элементы.

Обратившись к полю культуры, вооружённые данной схемой, мы можем условно выделить две первоначальные эро-функции, которые практически прямым образом формируют множество культурных подсистем. Принимая во внимание следующие условия, при которых элемент, процесс свершающий, вступая в отношения со вторым элементом, вынуждает его этот процесс проживать и претерпевать, формируется поступательно развивающийся механизм культурного генезиса.

Обратившись к более конкретизированным трактовкам обозначенной абстрактно эротической схеме, обособим две простейшие формы функционирования данной эротической механики. Первая, максимально близкая к самому понятию культурного поля как такового, – это Эрос гефестический, максимально встроенный в сетку культуры, но, в то же время, невероятно близкий к первородному Эросу по своему конструктивному целепологанию – эротическое начало гефестического порядка проявляет себя подспудно, будучи условно подавленной силой, плавно втекающей в освобождающиеся ячейки сводов правил в сознании индивида, под видом подчинения личности утилитарному проекту транслирования и продолжения себя в стороннем объекте, размывающей самые основы его существования и вынуждающий нас временно замолчать – потому что этот вопрос требует отдельного освещения. Вторая - Эрос аресический, удаленный от перво-Эроса и являющий собой Эрос, хоть и первоприродно страстный, существующий подобно животному взаимодействию, однако, в своём целепологании направленный на более чем культурный феномен конструирования наслаждения, производимого при помощи инстинктивных программ, но, с другой стороны, в силу своей направленности, имеющее налет болезненной извращенности культуры. Насилие, с одной стороны, пытающееся легитимизироваться, стать инструментом культурного поля, берет свое начало в диссоциированном и не воспринимаемом сознанием инстинктивном поле, таким образом, смывая с человека, если можно так выразиться, грим цивилизованности. Эрос аресический неестественен и страшен в своей патологичности, потому что он ставит под сомнение ту самую структуру, в рамки которой по свершению попадает.

Как заметно, они оба далеки от протоэротической формы и невероятно патологичны в своей неизживаемой глубинной исторической связанности; равно как и сам универсум *свершения/претерпевания*, становящийся универсальной практикой Эроса и человеческого существования.

Природная протоэротичность же по своей природе остается максимально абстрактизированной, потому что минимальный намек на структурность убивает живую и непосредственную сущность эроса изначального, эроса хоть сколько-то гармоничного, ввиду отсутствия притязания на самоопределение. В таком случае, эротичность индивидуума становится некой глобальной метафорой – рассказом о неназываемом, который позволяет держаться истинно-текущему эросу держаться в русле структурности, а эросу называемому – овладеть человеческим бытием. Архетип эроса становится страшным оружием в руках человека, потому что он сам начинает себя им истязать, признавая подобные страдания необходимым злом и платой.

Так мы и попадаем в уже заявленный универсум *свершения/претерпевания*, который, в общем-то, никогда и не покидали и становимся заложниками собственных иносказаний, которые вырождаются не просто в подавляющую систему, но становятся объективизируемыми условиями культурного бытия – тем, что поглощает культурный универсум, не оставляя ему ни шанса встать над воссозданным идолом эроса.

Тело как половое бытие становится носителем и инструментариумом культуры как бытия эротического, в том числе и эротического, понятого абстрактно, как потенция, как тяга, как практика, невозможная к чистому существованию, расколота, фрагментированная. Дискурс такого Эроса – это, в первую очередь, дискурс культуры как таковой, культуры симбиотивности, культуры универсума *свершения/претерпевания*. Проникнутость культуры Эросом, истерия его вездесущести, любовно вскормленная психоанализом, – манифестарные идеи уходящих парадигм, столь остро необходимые к пересмотру не в силу своей неактуальности, но в силу генерации патологизирующих Эрос процессов. Глубоко различными предстают положения психоаналитического дискурса во временной протяженности: от пули, разрывающей самое сердце болезни века до ядовитых кусочков свинца, осколками застрявших в молочном теле Эроса и отравляющих его своим распадом. Не структура, но руины структуры, «сконцентрированные на фаллосе, кастрации, имени отца, вытеснении» [3], но даже этот концентрат не представлен в своей прозрачности кристаллизованного, нет, только морок выветривания.

Эрос становится необходимо понять и распознать именно в некой неразрушимой вписанности в это переплетение, проследить его каналы до самых далёких уголков и закоулков, просветить узлы симбиотивности с другими культурными практиками и феноменами. Как и любой принцип, Эрос универсален, но, как и в отношении любого принципа, его универсальность не безгранична, именно с этого момента осознания и становится важным зафиксировать факт существенности полей эротической напряженности и неразрешимости, отследить дефекты, неполадки и патологии, разговор о наличии которых становится возможным в виду общего настроения неудовлетворенности коллективного желания и неприемлемости последствий в ситуации его удовлетворения. Таким образом, областью нашего диагностирования становится весь спектр универсума *свершения/претерпевания* как основной механистики эротичности. С учётом дуальности взаимоотношений Эроса и других практик будет выстроена наша

попытка отследить элементы чужеродного в эротичности и элементы эротичности в чужеродном, это полное сканирование, возможно, и приведёт нас хоть к какой-то внятной кристаллизации Эроса как практики, правда, как тут забыть, что столь многие соединения нестабильны.

Литература

1. Батай Жорж, Проклятая часть, М., 2006.
2. Батай Жорж, История эротизма, М., 2007.
3. Бодрийяр Жан, Соблазн. М., 2000.
4. Делез Жиль, Гваттари Феликс, Антиэдип: капитализм и шизофрения, Екатеринбург, 2007.
5. Мерло-Понти Морис, Феноменология восприятия, М., 1993.
6. Платон, Пир // Диалоги, М., 2009
7. Фуко Мишель, Воля к истине, М., 1996.